
А.В. Лысова
(Владивосток)

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В СЕМЬЕ: ФАКТОРЫ РИСКА И МОДЕЛИ ОБЪЯСНЕНИЯ¹

В статье приведены результаты вторичного анализа данных массового опроса (всероссийская выборка, инструментарий разработан ВЦИОМ) с целью выявления факторов риска в возникновении вербальной агрессии в российских семьях. Для достижения этой цели использованы методы корреляционного, дисперсионного и регрессионного (бинарная логистическая регрессия) анализов. Рассмотрены существующие объяснительные модели семейного насилия.

Ключевые слова: вербальная агрессия, семейные скандалы, факторы риска, теоретические модели семейного насилия, логистическая регрессия, дисперсионный анализ.

Наше исследование было посвящено одному из аспектов дезадаптивных отношений в семье, а именно: вербальной агрессии как типу психологической агрессии, выражающейся чаще всего в открытых конфликтах и скандалах и нередко служащей предпосылкой для возникновения физического насилия. Основной целью является выявление уровня и факторов риска в возникновении вербальной агрессии между членами семьи. Понятие «факторы риска» соотносится с переменными, тесно связанными с зависи-

Александра Владимировна Лысова – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Института психологии и социальных наук Дальневосточного государственного университета. E-mails: Alysova@psyco.dvgu.ru, Lysova_sasha@yahoo.com.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-469.2006.6.

мой переменной, но не обязательно являющимися непосредственными причинами насилия. В качестве зависимой переменной выступает *уровень вербальной агрессии*, а именно, частота супружеских скандалов. В роли независимых переменных выступили пол, возраст, образование респондента, количество человек в семье, доход семьи и распределение домашних обязанностей в семье.

Под *психологической агрессией*, которую также называют вербальной, или символической агрессией, понимается коммуникация, вербальная или невербальная, направленная на причинение психологической боли другому человеку. Примерами такой агрессии служат обзывание или едкие замечания (активная вербальная агрессия), хлопанье дверьми, опрокидывание предметов (активная невербальная агрессия), «надувание», «ледяное молчание» (пассивная невербальная агрессия) и др. В статье речь идет о *семейном скандале* как *форме активной вербальной агрессии*, который чаще всего выражается посредством криков, оскорблений, угроз причинить физическую боль. Уровень вербальной агрессии респондентов выявлялся на основе ответа на вопрос: *«Практически в каждой семье время от времени возникают недопонимания и конфликты. Бывают ли в Вашей семье ссоры, скандалы, и если да, как часто?»* Варианты ответа: не происходят, реже одного-двух раз месяц, один или два раза в месяц, один или два раза в неделю, ежедневно.

Нами использованы первичные данные массового опроса населения России, проведенного в феврале 2002 г. Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ)¹. Опрашивалось городское и сельское население в возрасте от 18 лет и старше. В выборку не включены Чечня, Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия, автономные округа: Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Таймырский, Ханты-Мансийский, Эвенкийский, Чукотка,

¹ Эмпирическая база ВЦИОМ любезно предоставлена автору Единым социологическим архивом [1].

Камчатка, Сахалин, т.е. 5,5% населения России. Всего было опрошено 1600 человек по многоступенчатой стратифицированной случайной выборке. Метод сбора данных – интервью по месту жительства.

Специфика вторичного анализа диктует необходимость вторичной концептуализации данных [2]. Так, мужчины и женщины могут вкладывать разный смысл в понятия «скандал» или «ссора» (эти термины использованы в приведенном выше вопросе). Образованные респонденты могут быть более чувствительными к семейным скандалам и поэтому сообщать о них чаще менее образованных, для которых скандалы – достаточно распространенная норма жизни. Помимо этого в ходе проведения вторичного анализа нам потребовалось преобразование некоторых шкал. Так, с целью прогнозирования шансов возникновения и частоты семейных скандалов в зависимости от значений независимых переменных, что позволяет сделать регрессионный анализ, переменная «частота скандалов» с порядковым уровнем измерения была трансформирована в переменную с метрическим уровнем, т.е. в «частоту скандалов в год». Это осуществлялось по следующему принципу: 1) не происходило = 0; 2) реже одного-двух раз в месяц = 6; 3) один или два раза в месяц = 18 (среднее); 4) один или два раза в неделю = 72 (среднее); 5) ежедневно = 365. При этом для случая возникновения скандалов реже одного-двух раз в месяц мы руководствовались результатами М. Джонсона, который показал, что в среднем в каждой семье раз в два месяца происходят скандалы и конфликты, которые он назвал «обычным насилием» («common couple violence») [3]. Кроме того, в инструментарии отсутствовали вопросы о важных факторах вербальной агрессии, а именно: злоупотреблении алкоголем, последствиях скандалов, контексте совершения агрессии, инициировании скандала и т.д. Вместе с тем несомненной ценностью первичных данных является характер выборки и наличие информации для выявления факторов риска в возникновении скандалов и конфликтов в российских семьях.

Проведенный нами обзор основных исследований проблемы домашнего насилия в России показал, что, несмотря на новизну проблематики домашнего насилия в нашей стране, следует отметить следующие работы отечественных исследователей, активно изучающих проблему насилия в семье. Насилию над детьми в семье посвящена работа «Жестокое обращение с детьми: сущность, причины, социально-правовая защита» Т.Я. Сафоновой и Е.И. Цымбал [4], а также «Критические ситуации в здоровье и воспитании детей» врача С.Я. Долецкого [5]. П.В. Пучков занимается изучением насилия над престарелыми членами семьи [6]. В работе «Окно в русскую частную жизнь» рассматриваются многочисленные аспекты супружеского насилия [7], а книга криминолога Д.А. Шестакова посвящена крайней форме супружеского насилия – супружескому убийству [8]. Среди авторов, изучающих конфликты и ссоры в семье, отметим А.Н. Ильяшенко, Н.М. Римашевскую, М.К. Горшкова, Н.Е. Тихонову, чьи работы будут рассмотрены ниже.

В США, Канаде, Австралии и странах Западной Европы с момента признания насилия в семье социальной проблемой в 1960-х гг. XX в. накоплен богатый опыт исследований и практической деятельности в области снижения уровня домашнего насилия. Насилию в семье над детьми посвящены работы, прежде всего, Д. Баумринд и Д. Финкельхора, супружескому насилию и насилию над женами – работы М. Страуса, Р. Геллеса, а также феминистически-ориентированных ученых Р.Е. Добаш, Р.П. Добаш, И. Фриз, Л. Уолкер, насилию над престарелыми членами семьи – исследования К. Пиллемера, Д. Финкельхора, насилию в семье над мужчинами – работы С. Стейнметц, Б. Лукал, Д. Хайнц, Л. Миллс.

Психологическая, или вербальная агрессия – один из наименее изученных типов насилия в межличностных отношениях. Изучением вербальной, или психологической агрессии в семье активно занимаются западные ученые. Большинство исследований демонстрируют высокую распространенность психологической агрессии, а также серьезность последствий для жертвы, которые

иногда более болезненные, чем в результате применения физического насилия. Имеющиеся немногочисленные исследования показывают стойкую сильную положительную корреляцию между психологической агрессией и физическим насилием [9]. В исследовании Н.Х. Хесс и Е.Х. Хаген мужчины оказались более склонными к выражению инструментальной и злонамеренной агрессии (тяжелые формы агрессии), а женщины – к легким формам психологической агрессии, выражающейся в экспрессивности и непрямом характере, например, распространении слухов и др. [10]. Однако данные о гендерных различиях в совершении психологической агрессии в межличностных отношениях крайне противоречивы. Многие исследователи не выявили различий между мужчинами и женщинами в уровне совершения не только психологической агрессии, но и физического насилия [11] за некоторым исключением. Так, например, исследование в канадском университете выявило более высокий уровень психологической агрессии, совершаемый студентами, а не студентками [12]. В то же время тот факт, что женщины вербально/психологически агрессивнее мужчин и чаще совершают физическое насилие в отношении партнера, было обнаружено в исследовании К.Е. Лейна и др. [13].

Теперь рассмотрим основные результаты исследований российских авторов, посвященные проблеме семейного насилия и конфликтов. Согласно исследованию насильственной преступности в семье в пяти областях Центрально-Черноземного района России, 95% потерпевших от насилия в семье в 2001 г. отметили, что преступлению предшествовали семейные конфликты, которые, по словам 36% респондентов, длились несколько месяцев [14]. Причем 89% опрошенных заявили, что конфликты в их семьях сопровождались насильственными действиями. Большинство преступлений в семье (87%) было совершено непосредственно во время семейной ссоры. В качестве наиболее характерных причин и условий, детерминирующих преступность в семье, выявлены, в первую

очередь, постоянные внутрисемейные конфликты (91,9%) и пьянство (79,4%) [14, с. 90]. Важно отметить, что 77% опрошенных потерпевших указали, что о конфликтах, фактах насилия в их семьях они никуда не сообщали. Это в очередной раз подчеркивает необходимость проведения социологических исследований проблемы вербального насилия в семье, так как это поведение, как правило, остается за рамками официальной уголовной статистики.

В исследовании насилия в межличностных отношениях, проведенном в трех городах России в 1996 г. с использованием шкал тактик разрешения конфликтов (Conflict Tactics Scales – CTS), женщины были склонны к большему проявлению вербальной агрессии, чем мужчины [15, р. 156]. Так, 87% жен по сравнению с 83% мужей сообщили, что «повышали голос в отношениях» как минимум однажды, при этом 24% жен и только 7% мужей делали это часто. Оскорбляли своих супругов 47% жен и 37% мужей, при этом в три раза больше жен по сравнению с мужьями сообщили, что делали это часто. В два раза больше жен угрожали изменой мужу, в то время как в два раза больше мужей угрожали причинить боль близким людям жены. Чуть больше мужей угрожали причинить боль партнеру, чем это делали жены (14% против 12%). В целом, уровень вербальной агрессии был выше среди разведенных партнеров, чем состоящих в браке, а также среди молодых респондентов (18-29 лет) по сравнению с более старшими респондентами. Значимой связи между вербальной агрессией и физическим насилием выявлено не было. Не было также выявлено гендерных различий в совершении вербальной агрессии мужчинами и женщинами.

В крупном исследовании женщин в России в 2002 г. (выборка 1406 человек) почти треть женщин (32%), в семьях которых часто происходили конфликты, сами подвергались насилию в семье (респондентам предлагалось ответить на прямой вопрос: «*Подвергались ли Вы насилию?*» с вариантами ответа: да (сколько раз?), нет, не помню) [16]. В семьях же, где конфликты бывали

редко или практически не случались, ситуацию насилия в семье отметили 9% женщин. Относительно чаще женщины становятся жертвами насилия, когда они сталкиваются с недостатком собственных ресурсов (образование, социальный статус и т.п.), причем особенно характерно это для жительниц российской глубинки. Среди причин конфликтов в счастливых семьях доминировали «материальные трудности», «проблемы взаимоотношений с родителями», «недостаточное внимание семье со стороны мужа», а в несчастливых – «материальные трудности», «пьянство и наркомания», «несовместимость характеров», «измены и ревность».

В исследовании насилия на свиданиях в 2004 г. с использованием шкал тактик разрешения конфликтов (CTS2), разработанных М. Страусом, выявлено, что студенты (73% девушек и 52% юношей) совершали психологическую агрессию против своего партнера [17]. Обнаружено значимое воздействие уровня психологической агрессии на возникновение физического насилия на свиданиях у студентов трех университетов в России.

Важной задачей ученых является объяснение и предсказание вероятности возникновения домашнего насилия и агрессии в определенных обстоятельствах. В современной западной практике можно выделить два основных *социологических подхода* к объяснению природы домашнего насилия. Первый – феминистический подход (*feminist perspective*), второй – семейного насилия (*family violence perspective*). Представители второго подхода, прежде всего М. Страус, Р. Геллес и др., особое внимание уделяют изучению динамики партнерских/семейных отношений, роли каждого индивида в возникновении насилия преимущественно с помощью количественных методов [18]. Сторонники феминистического подхода (Р. Добаш, Л. Уолкер и др.), напротив, изучают узкий аспект насилия, а именно совершение насилия мужчинами над женщинами, с помощью в основном качественных методов [19]. Мы исходили из второго подхода и придерживались трактовки конфликта, данной М. Вебером, где под конфликтом понимается

«социальное действие, совершаемое с намерением навязать свою волю сопротивляющемуся другому» [20, р. 38]. Подход «семейного насилия» резко критикуется за отказ в поиске «виновных» и «невиновных» и в предписывании ответственности каждому члену семьи, участвующему в коммуникации. Для нас важно, что в нем подчеркивается как роль индивидуальных характеристик индивидов, так и условий социальной среды, в которой существует семья.

В рамках используемого нами подхода существуют различные *объяснительные модели* воздействия независимых переменных на зависимую – уровень вербальной агрессии. В *модели семейного стресса* внимание уделяется структурным характеристикам семьи (ее приватности или закрытости, неравному распределению обязанностей между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, интенсивности отношений, скученности), которые являются важными факторами в возникновении семейных скандалов и насилия. Кратко рассмотрим эти характеристики.

Распределение обязанностей в семье. Общенациональное исследование насилия в семье в США выявило, что в семьях с демократическим укладом, где обязанности мужчины и женщины были распределены примерно в равной степени, уровень насилия оказался наименьшим [21]. В тех семьях, где главенствовал муж, уровень домашнего насилия был наибольший, а где доминировала жена, уровень насилия был хоть и ниже, но имел тенденцию к росту. Так, в случае неравного распределения власти в браке между мужчиной и женщиной может наступить стадия «борьбы полов». Одна из причин неравенства между партнерами, приводящая к насильственной «борьбе полов», заключается в различиях и противоречиях, связанных с профессиональными и экономическими статусными позициями мужчин и женщин.

Размер семьи. В отличие от других социальных институтов семья охватывает многочисленные и разнообразные грани человеческих отношений. В семье гораздо больше ситуаций, провоцирующих спор, нередко приводящий к конфликту. Кроме того,

члены семьи взаимодействуют друг с другом длительное время, что увеличивает вероятность несогласия, грубости и повышает вероятность насилия. Но в семье выше не только активность взаимодействия по сравнению с другими институтами – между членами семьи гораздо интенсивнее чувства, что создает большую вероятность для возникновения семейного конфликта. Американские исследователи Дж. Уолфнер и Р. Геллес обнаружили, что в семьях, где детей более двух, вероятность применения насилия по отношению к детям возрастала [22].

Приватность семьи, нашедшая свое выражение в языке, как «не выноси сора из избы» или «мой дом – моя крепость», позволяет легко скрывать скандалы и насилие, которые чаще всего «сходят с рук», когда правоохранительные органы начинают вмешиваться в семейные дела.

Модель структурных средовых факторов. Основное положение модели структурных средовых факторов заключается в том, что фрустрация и испытанное напряжение, возникающие чаще всего в результате действия социальных структурных факторов (например, бедность, скученность), трансформируются в агрессивные действия по отношению к тем, кто ближе, а именно к супругам и детям.

Доходы семьи. Более высокий уровень насилия в семье характерен для семей из низшего социально-экономического класса, где социальная депривация вместе с неизбежными стрессорами, ассоциируемыми в основном с бедностью (например, беспокойство по поводу финансового положения, плохое здоровье, скученность), приводят к высокому уровню фрустрации и, как следствие, к скандалам и насилию [23].

В рамках *модели индивидуальных различий*, где корни домашнего насилия видятся, прежде всего, в индивидуальных особенностях совершающих насилие лиц (и иногда жертв), факторами риска в совершении насилия и виктимизации помимо прочих выступают *низкое образование и молодость*.

Прежде чем приступить к выявлению взаимосвязи между частотой семейных конфликтов и выделенными факторами риска с помощью, прежде всего, дисперсионного (ANOVA) и регрессионного анализа (метод бинарной логистической регрессии), обратимся к описанию сравниваемых совокупностей в выборке с фокусом на половых, возрастных, образовательных и других различиях респондентов. Переменные, по которым выявлены статистически значимые различия, были включены в последующий регрессионный анализ в качестве контрольных переменных.

Итак, в первичных данных примерно поровну мужчин (46,4%, $n = 743$) и женщин (53,6%, $n = 857$) в возрасте от 18 до 96 лет, средний возраст которых составил 45,6 лет ($SD = 16,6$). Женщины старше мужчин ($M = 47,4$, $SD = 17,5$ для женщин и $M = 43,5$, $SD = 16,6$ для мужчин). Различие статистически значимо по критерию Стьюдента ($t = -4,62$, $p = 0,000$, $df = 1598$). Что касается образования, почти треть респондентов (29%, $n = 464$) не окончили среднюю школу, около четверти респондентов (25,6%, $n = 410$) окончили школу или ПТУ, другие 25,3% опрошенных ($n = 404$) имеют среднее специальное образование или окончили техникум. Около 13% респондентов ($n = 206$) имеют университетское образование или выше. Значимых статистических различий в уровне образования между мужчинами и женщинами не выявлено ($\chi^2 = 9,05$, $df = 5$, $p = 0,107$). Средний доход семьи в месяц составил 4076,12 руб. ($SD = 3942,98$). Около 65% респондентов сообщили, что тратят на еду более 2/3 от общего дохода семьи. Доходы семей женщин в выборке меньше, чем доходы семей мужчин, однако разница не настолько велика, чтобы быть статистически значимой ($M = 4032,35$ ($SD = 4135,41$) у женщин, $M = 4126,61$ ($SD = 3710,78$) у мужчин, $t = 0,477$, $df = 1598$, $p = 0,634$). Несмотря на то, что доходы семей мужчин и женщин существенно не различаются, женщины относят свои семьи к группе с более низкими возможностями в удовлетворении необходимых потребностей: в еде, одежде и предметах первой необходимости ($\chi^2 = 19,67$, $df = 4$, $p = 0,001$). Так, гораздо

больше женщин (22%) по сравнению с мужчинами (15%) сообщили, что «едва сводят концы с концами; денег не хватает даже на пропитание», и 41% женщин по сравнению с 39% мужчин ответили, что «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые трудности». Эти данные согласуются с ответом на вопрос об отнесении своей семьи к определенному социальному слою.

Распределение ответов на вопрос о роде занятий показало, что большинство респондентов (29,7%) – неработающие пенсионеры, 26% – рабочие, почти 16% – специалисты без руководящих функций, почти 6% – служащие без специального образования, другие 6% – безработные, 5% – студенты, 4,3% – домохозяйки, 4,3% – руководители, около 2% – военнослужащие, представители правоохранительных органов и 1,7% – независимые предприниматели. Выявлены значимые различия между мужчинами и женщинами по характеру профессии ($\chi^2 = 207,27$, $df = 9$, $p = 0,000$). Так, гораздо больше женщин, чем мужчин являются специалистами без руководящих функций (18,6% против 12,5%), служащими без специального образования (8,6% против 2,7%), неработающими пенсионерами (34,4% против 24%), домохозяйками (8% против 0%). В свою очередь мужчины лидируют в частном предпринимательстве (3,2% против 0,4%), в правоохранительных органах и военных профессиях (3,2% против 0,8%), среди них больше рабочих (37% против 17%) и безработных (7,4% против 4,6%).

В семьях респондентов проживает в среднем три человека ($M = 2,91$, $SD = 1,3$, размах от 1 до 9 человек). Почти в 9% семей проживает 5 и более человек. Тринадцать процентов респондентов сообщили о том, что живут одни. Большая часть этих людей старше 56 лет (50% мужчин и 81% женщин), а также в возрасте от 30 до 55 лет (36% мужчин и 15% женщин). Можно предположить, что большинство респондентов в этой категории имели опыт совместного проживания в семье и отвечали на вопросы исходя из своих прошлых отношений, поэтому были включены в дальнейший анализ. В семье, состоящей из двух человек, проживали

27% респондентов. Различия между мужчинами и женщинами по числу человек в семье оказались статистически значимыми ($\chi^2 = 45,98, p = 0,000, df = 8$). У большей части респондентов (64%) не оказалось детей до 16 лет, которые бы жили с ними вместе. Менее трети респондентов (28%) живут с одним ребенком, около 7% – с двумя детьми и 1,3% – с тремя детьми до 16 лет в одной квартире. Статистически значимых различий между мужчинами и женщинами в этом вопросе не выявлено ($\chi^2 = 1, p = 0,909, df = 4$).

С помощью ответов на вопрос: «Кто в Вашей семье в основном занимается покупками продуктов и ведением домашнего хозяйства?» были выявлены статистически значимые различия между мужчинами и женщинами. Так, 68% женщин и только 14% мужчин «делают это в основном только сами», 25% мужчин и 20% женщин – «наравне с другими членами семьи», 41% мужчин и 9% женщин «принимают участие», и «не выполняют этих обязанностей вообще» 21% мужчин и 3% женщин.

Вербальная агрессия в семье. На вопрос: «Бывают ли в Вашей семье ссоры, скандалы, и если да, как часто?» большинство (76,7%, $n = 1135$) респондентов ответили, что такие скандалы случаются. Скандалы и ссоры случаются каждый день у 5% респондентов, один или два раза в неделю – у 13%, раз или два раза в месяц – у 23% и у почти трети респондентов (29,9%) скандалы происходят реже, чем раз или два раза в месяц. Об отсутствии таких скандалов в своих семьях сообщили 23% респондентов. Среднее число семейных скандалов составило 36 в год или примерно три скандала в месяц ($M = 36, SD = 80,6$, размах от 0 до 365). На вопрос о том, «между кем чаще всего случаются конфликты в семье», подавляющее число респондентов (42%) сообщили о конфликтах между мужем/женой или партнером/партнершей. Примерно равное число респондентов (по 11%) сообщили о конфликтах между детьми и их родителями. Примечательно, что 2% респондентов указали, что конфликтуют все в семье. При этом выявлены статически значимые максимальные разли-

чия между мужчинами и женщинами ($\chi^2 = 60,81, p = 0,000, df = 10$). В три с половиной раза больше женщин, чем мужчин вступали в конфликты со своими детьми (17% женщин против 5% мужчин), при этом мужчины на 9% больше, чем женщины имели конфликты со своей супругой/партнершей (47% мужчин и 38% женщин). И мужчины, и женщины примерно в равной степени вступали в конфликты со своими родителями (11%).

Различия в сообщениях о семейных скандалах мужчинами и женщинами находятся на границе статистической значимости ($\chi^2 = 10,55, df = 5, p = 0,061$), причем больше женщин, чем мужчин сообщили об ежедневных скандалах (5,5% против 4%) и в то же самое время об отсутствии скандалов в их семьях (24% против 19%) (см. табл. 1). Различия средних по частоте скандалов в ответах мужчин и женщин оказались незначимыми с небольшим отставанием мужчин: $M (SD) = 33,6 (75)$ для мужчин и $M (SD) = 37,4 (85)$ для женщин ($t = -0,915, p = 0,361, df = 1479$).

Выявлены статистически значимые различия в частоте семейных скандалов в разных возрастных группах ($\chi^2 = 94,48, df = 10, p = 0,000$). Результаты дисперсионного анализа подтвердили статистически значимые различия в частоте семейных скандалов в трех возрастных групп ($F = 14,7, p = 0,000, df = 2$). Наибольшая частота семейных конфликтов (более одного раза в неделю) выявлена в группе молодежи в возрасте от 18 до 29 лет ($M = 50,3, SD = 97$). В среднем частота семейных скандалов среди респондентов в возрасте от 30 до 55 лет составила около трех раз в месяц ($M = 38, SD = 84$), в группе старше 55 лет – менее двух раз в месяц ($M = 19,8, SD = 80,6$).

Статистически значимых различий в частоте семейных конфликтов в зависимости от дохода семьи не выявлено ($F = 1,44, p = 0,206, df = 5$). При этом не выявлено также взаимодействия между полом респондента и доходами семьи ($F = 1,74, p = 0,123, df = 5$). Однако в целом наблюдается тенденция к снижению частоты конфликтов с ростом доходов семьи для мужчин. Наибольшая частота семейных

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ЧАСТОТЫ СЕМЕЙНЫХ СКАНДАЛОВ, %

Респонденты	«Как часто в Вашей семье бывают ссоры, скандалы?»					
	Почти каждый день	Раз или два в неделю	Раз или несколько раз в месяц	Реже раза в месяц	Никогда не возникают	Нет ответа
Мужчины (n = 743)	4	14,1	23,4	32,2	18,7	7,5
Женщины (n = 857)	5,5	12,4	22,6	28,0	24,2	7,4
Всего (n = 1600)	4,8	13,2	23,0	29,9	21,6	7,4

скандалов ($M = 48,4$) зафиксирована у женщин в семьях с доходом выше среднего (от 4001 до 10000 руб.), а минимальная частота скандалов – в группе семей с наибольшими доходами ($M = 12$ для мужчин и $M = 10,5$ для женщин). Однако если мы примем во внимание представления респондентов о том, какая часть их семейных доходов тратится на питание, то выявим статистически значимое влияние этой переменной на частоту скандалов в год ($F = 4,55, p = 0,004, df = 3$). Таким образом, частота скандалов выше в семьях, где почти все доходы затрачиваются на питание (см. табл. 2, п. I).

Таблица 2

СРЕДНЯЯ ЧАСТОТА СЕМЕЙНЫХ СКАНДАЛОВ В ГОД
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА, ЗАТРАТ ДОХОДОВ СЕМЬИ
НА ПИТАНИЕ, РАЗМЕРА СЕМЬИ, ОБРАЗОВАНИЯ,
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОМАШНИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

	Всего	Мужчины	Женщины
<i>I. Какая примерно часть доходов Вашей семьи уходит на питание?</i>			
Менее 50%	30,6	37,6	21,1
Примерно 50%	23,5	15,7	30,4
Примерно 2/3	40,4	35,2	45,4
Почти все	41,1	43,8	39,4
<i>II. Общее число человек в семье</i>			
Один	6,3	2,3	10,3
Два	37,1	43,2	31,0
Три	35,6	29,2	42,0
Четыре	43,6	35,9	51,4
Пять и более	51,9	42,0	61,8
<i>III. Образование</i>			
Неполное среднее	36,6	35,3	37,8
Школа или ПТУ	40,0	35,3	44,7
Среднее специальное	44,6	39,4	49,8
Высшее или неоконченное высшее	35,6	34,4	36,7
<i>IV. Кто в вашей семье в основном занимается покупками продуктов и ведением домашнего хозяйства?</i>			
В основном сам/а	45,8	61,8	44,2
Наравне с другими членами семьи	44,0	43,8	44,1
Принимаю участие	28,2	25,7	39,4
Не принимаю никакого участия	36,9	39,6	21,3

Наблюдается слабое, но статистически значимое взаимодействие между факторами пола и отнесением себя к социальному слою с частотой скандалов в семье ($F = 2,60$, $p = 0,035$, $df = 4$). При этом самостоятельного воздействия фактора социального слоя семьи на частоту скандалов не выявлено. Для мужчин выявлена тенденция к росту числа семейных конфликтов в зависимости от отнесения себя и своей семьи к более низкому социально-экономическому слою. Так, средняя частота скандалов в высшем слое равна 14 ($SD = 46$), а в низшем слое 53 ($SD = 9$). Для женщин такой разницы не выявлено: в высшем слое частота скандалов равна 18 ($SD = 80$), а в низшем слое 30 ($SD = 6,5$).

Результаты дисперсионного анализа показывают значимое влияние переменной числа людей в семье на частоту семейных скандалов ($F = 7,32$, $p = 0,000$, $df = 4$). Максимальная частота скандалов зафиксирована в семьях с числом людей пять и более ($M = 42$ ($SD = 86$) для мужчин и $M = 62$ ($SD = 112$) для женщин), а минимальная – в случае, если человек проживает один ($M = 2,3$ ($SD = 4,6$) для мужчин и $M = 10,3$ ($SD = 45,5$) для женщин). При этом речь идет, прежде всего, о взрослых членах семьи, проживающих вместе, а не о детях. Частота конфликтов не взаимосвязана с числом детей в семье ($F = 1,810$, $p = 0,144$, $df = 3$). Это подтверждает также ранее полученные данные, что большинство скандалов происходит между супругами или партнерами.

Значимого влияния уровня образования респондентов на частоту скандалов в семье не выявлено ($F = 0,731$, $p = 0,534$, $df = 3$). Однако максимальная частота скандалов и ссор возникает в семьях, если у респондентов среднее специальное образование или техникум: $M = 39$ ($SD = 82$) для мужчин и $M = 50$ ($SD = 102$) для женщин, и затем происходит резкое снижение с получением высшего или незаконченного высшего образования.

Так как большинство респондентов, которые проживают одни, выполняли домашние обязанности преимущественно сами (94% мужчин и 87% женщин), то для получения более точных данных

они были исключены из анализа. Значимой связи между переменной распределения обязанностей по хозяйству и частотой семейных скандалов и ссор выявлено не было ($F = 2,32, p = 0,073, df = 3$). Значимой связи также не выявлено после того, как в качестве контрольной переменной в анализ была включена метрическая переменная лет обучения респондента ($F = 2,25, p = 0,087, df = 3$). Большинство скандалов происходят в семьях, где на респондентах лежит основная обязанность по выполнению домашних дел, особенно это относится к мужчинам.

Результаты логистической регрессии. Напомним, что 23% респондентов сообщили об отсутствии скандалов и ссор в своих семьях. Для того чтобы рассчитать вероятность наступления события (в данном случае – скандалов или ссор), был применен метод бинарной логистической регрессии, которая применялась дважды, отдельно для мужчин и женщин в виду выявленных различий по ряду демографических переменных. В качестве зависимой переменной использовалась дихотомическая переменная (0 – скандалы не происходят, 1 – скандалы происходят), в качестве независимых переменных – доход семьи в месяц (в руб.), возраст (в годах), количество людей в целом и количество детей в возрасте до 16 лет, проживающих в семье, образование (в годах). Регрессионная модель для мужчин не выявила статистически значимого влияния независимых переменных на зависимую. Однако выявлены значимые взаимосвязи для женщин по трем независимым переменным: возрасту, числу людей в семье и образованию. Наиболее сильное влияние на зависимую переменную оказывает переменная образования у женщин, а именно: каждый дополнительный год образования у женщин снижает вероятность шансов возникновения скандалов в их семьях на 25% ($\text{Exp}(B) = 0,75, p = 0,000$, коэффициент Вальда = 13,99). Второе по значимости влияние оказала переменная возраста: с каждым дополнительным годом жизни вероятность шансов скандалов в семье у женщин снижается на 4% ($\text{Exp}(B) = 0,96, p = 0,012$, коэффициент Вальда = 6,33).

Влияние переменной «количество человек, проживающих в семье» находится на грани статистической значимости и означает, что с каждым дополнительным членом семьи вероятность скандалов в семье увеличивается в 1,5 раза или на 58% ($\text{Exp}(B) = 1,58$, $p = 0,06$, коэффициент Вальда = 3,45).

Прежде чем перейти к выводам, обратим внимание на то, что помимо обозначенных выше недостатков эмпирической базы, существенным ограничением также является характер получаемой информации, а именно самоотчеты респондентов, которые могут быть обусловлены социальной желательностью и особенностями памяти респондентов (реконструкция прошлого, избирательность памяти). Особенно это относится к почти 30% респондентов пенсионного возраста в нашей выборке, чьи неточные или избирательные воспоминания о скандалах в прошлых отношениях могут внести искажения в общую картину полученных данных. Это важно учитывать при интерпретации данных. Сравнение средних показало, что пенсионеры значимо отличаются от других респондентов по частоте сообщаемых ими скандалов и ссор в семье. Она почти в два раза ниже среднего ($M = 23,7$ для пенсионеров, а для всех остальных респондентов $M = 40,6$, $t = 3,69$, $p = 0,000$, $df = 1479$). Тем самым большой объем пенсионеров в выборке, скорее всего, не мог привести к завышению оценок уровня вербальной агрессии в семье.

Итак, наше исследование позволило выявить, что приблизительно у двух третей российских семей возникают скандалы и ссоры, причем в каждой двадцатой семье – каждый день, в каждой восьмой – один или два раза в неделю. Уточним, что речь идет, скорее, не о частоте скандалов как таковых, а о восприятии респондентами того, что происходило в их семьях, как скандал (респонденты отвечали на вопрос о частоте скандалов исходя из собственного понимания «скандала» и «ссоры»). Для некоторых респондентов «скандал» мог означать «разговор на повышенных тонах», для других – крики и оскорбления, переходящие в руко-

прикладство. Среднее число семейных скандалов составляет 36 в год или примерно три скандала в месяц. Это значительно превышает уровень так называемого «обычного насилия» (common couple violence), связанного с образом жизни семьи и другими факторами, который характерен для большинства семей. Согласно результатам исследований американского ученого М. Джонсона, средняя частота таких конфликтов в большинстве семей составляет раз в два месяца. Наши результаты позволяют предположить, что уровень «обычного насилия» в российских семьях намного выше, чем в американских семьях. Это согласуется с различиями в уровне убийств как наиболее адекватного показателя насильственной преступности в наших странах (19,86 на 100 тыс. человек в России в 2000 г. и 5,62 на 100 тыс. человек в США в 2002 г.) [24]. Однако более точное сравнение затруднено из-за несовместимости использованных инструментариев.

Женщины сообщали о более частых семейных скандалах, чем мужчины (мужчины – 2,8 раз в месяц и женщины 3,1 раз в месяц), но эти различия статистически не значимы. Полученные результаты о примерно равной частоте семейных скандалов, сообщаемой мужчинами и женщинами, могут служить подтверждением полученных ранее многочисленных данных о взаимном характере семейных конфликтов. Большинство скандалов в семье случаются между супругами/партнерами (42%), а также с детьми и в отношениях с родителями (по 11%). Обнаружено, что в каждой 50-й российской семье «все члены семьи конфликтуют друг с другом». Полученные данные согласуются с результатами исследования Д. Ванной, Н.М. Римашевской и др. в 1996 г., которое показало, что более 80% мужей и жен «повышали голос в отношениях», а около 40% – «оскорбляли» своих партнеров.

Скандалы возникали гораздо чаще в семьях молодых людей (18-29 лет) – более одного раза в неделю, чем в семьях респондентов старшего возраста: три раза в месяц – в возрасте от 30 до 55 лет и менее двух раз в месяц – в группе старше 55 лет. Это согласуется

с данными Д. Ванной, Н.М. Римашевской и др., которые также выявили молодой возраст как фактор риска в совершении психологической агрессии.

Значимой обратной линейной связи между доходами семьи и частотой скандалов в семье не выявлено, хотя частота скандалов в самой бедной группе семей оказалась намного выше, чем в группе наиболее обеспеченных семей. Несмотря на отсутствие значимой связи частоты скандалов с доходами семьи, частота скандалов оказалась статистически значимо выше в семьях, где почти все доходы затрачиваются на питание. Таким образом, предположение, основанное на объяснительной модели структурных факторов, подтвердилось частично. Это может объясняться как неточными или неправдивыми данными респондентов об их доходах, так и особенностями российского общества, находящегося в процессе трансформации, вследствие чего многие теоретические модели, характерные для обществ с устойчивой экономикой и социальной структурой, не находят подтверждения в России.

Наше исследование выявило связь большего размера семьи с частотой скандалов. Максимальная частота скандалов наблюдается в семьях из пяти и более человек, причем для женщин этот фактор является более значимым (5 скандалов в месяц у женщин и 3,5 у мужчин). Отметим, что речь идет, прежде всего, о взрослых членах семьи, проживающих вместе, а не о детях. Частота конфликтов оказалась не взаимосвязана с числом детей в семье. Рост частоты семейных скандалов с увеличением размера семьи может объясняться фактором скученности, большей интенсивностью отношений, конфликтами между представителями разных поколений (престарелые родители и взрослые дети, внуки и престарелые родственники и т.д.). Хотя в период с 1989-го по 2002 гг. доля россиян, проживающих в отдельных квартирах, увеличилась, 10% ($n = 5271$) домохозяйств от общего числа домохозяйств в 2002 г. не имели отдельных квартир или индивидуальных домов. Из них 7,6% ($n = 377$) были домохозяйства из 5 и более

человек, 7,65 ($n = 680$) – из 4 человек, 9,2% ($n = 1153$) – из 3 человек [25, с. 135–165]. Характер логистической регрессии подтвердил результаты дисперсионного анализа, но предсказать вероятность возникновения скандалов в семье в зависимости от размера семьи возможно только для женщин. С каждым дополнительным членом семьи вероятность скандалов в семье увеличивается в 1,5 раза или на 58%. Большая частота скандалов и ссор, сообщаемая женщинами, может быть связана с их большим участием в семейном хозяйстве и, следовательно, большей напряженностью и «борьбой за власть» с увеличением числа людей в семье.

Взаимосвязи между образованием респондентов и частотой семейных скандалов в настоящем исследовании не выявлено. Хотя частота семейных скандалов резко снижается с получением респондентами высшего или незаконченного высшего образования по сравнению с респондентами со средним специальным образованием, однако в этом случае их уровень достигает уровня в семьях респондентов с неполным средним образованием. Этот результат наряду с другими факторами может объясняться сниженной чувствительностью представителей малообразованных слоев к тому, что понимается под «скандалами» и «ссорами». Крики и оскорбления могли восприниматься вполне нормальной частью отношений в таких семьях и не считаться проблемой, о которой нужно сообщать интервьюеру. По результатам же логистической регрессии, рассчитывающей вероятность совершения – не совершения скандалов в семье, переменная «число лет, затраченных на образование» для женщин оказалась значимым фактором в предсказании вероятности скандалов. Каждый дополнительный год образования у женщин может снижать вероятность шансов возникновения скандалов в семьях на 25%. Эти результаты согласуются с данными других российских исследований, где образование женщин рассматривается как «пропуск» в более качественный тип семейных отношений [16].

Наконец, не обнаружено значимой связи характера распределения ролей по хозяйству с частотой скандалов в целом, хотя наблюдается тенденция к снижению частоты скандалов с более равномерным распределением обязанностей в семье. Так, большинство скандалов происходят в семьях, где на респондентах лежит основная обязанность по выполнению домашних дел, особенно это относится к мужчинам. Это может объясняться тем, что когда мужчины или женщины выполняют основные обязанности по дому, то это дает им «право жаловаться» и своего рода «власть» над другими членами семьи, и в этом случае частота скандалов максимальна. Минимальная частота скандалов выявлена в семьях, где мужчины, по их ответам, «принимали участие» в домашних делах. По ответам респонденток скандалы в их семьях случаются реже всего, если они сами, женщины, «не принимают никакого участия» в домашнем хозяйстве. Частота семейных скандалов в семьях с равным распределением обязанностей превысила частоту скандалов в семьях, где партнеры «принимает участие» или вообще не участвуют в домашних делах. Предполагая, что частота скандалов имеет негативную линейную связь с уровнем удовлетворенности отношениями, хотя это требует изучения, полученные данные не согласуются с данными другого российского исследования, согласно которому «ощущение равенства прав в семье оказалось важнейшей предпосылкой того, чтобы женщина считала свою семейную жизнь счастливой» [16]. Вместе с тем, окончательные выводы возможны на основе более глубокого изучения, например, с учетом таких переменных, как удовлетворенность отношениями, мнение об «идеальном» распределении ролей в доме, злоупотребление алкоголем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Единый социологический архив // <http://sofist.socpol.ru/index.shtml?en=0>.
2. *Медведев В.А.* Проблема понятийных оснований социологического исследования // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 143–146.

3. *Johnson M.P.* Patriarchal Terrorism and Common Couple Violence: Two Forms of Violence Against Women // *Journal of Marriage and the Family*. 1995. Vol. 57. No. 2. P. 283–294.
4. *Сафонова Т.Я., Цымбал Е.И.* Жестокое обращение с детьми: сущность, причины, социально-правовая защита. М.: Дом, 1993.
5. *Долецкий С.Я.* Критические ситуации в здоровье и воспитании детей: Лекция. М.: ЦОЛИУВ, 1986.
6. *Пучков П.В.* Вы чье, старичье?: Опыт анализа геронтологического насилия // *Социологические исследования*. 2005. № 10. С. 35–41.
7. *Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М.* и др. Окно в русскую частную жизнь: Супружеские пары в 1996 г. М.: Academia, 1999. Гл. 7.
8. *Шестаков Д.А.* Супружеское убийство как общественная проблема. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1992.
9. *Murphy C.M., O'Leary K.D.* Psychological Aggression Predicts Physical Aggression in Early Marriage // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1989. No. 57. P. 579–582.
10. *Hess N.H., Hagen E.H.* Sex Differences in Indirect Aggression: Psychological Evidence from Young Adults // *Evolution and Human Behavior*. 2006. No. 27. P. 231–245.
11. *Straus M.A., Sweet S.* Verbal/Symbolic Aggression in Couples: Incidence Rates and Relationships to Personal Characteristics // *Journal of Marriage and the Family*. 1992. No. 54. P. 346–357.
12. *Kasian M., Painter S.L.* Frequency and Severity of Psychological Abuse in a Dating Population // *Journal of Interpersonal Violence*. 1992. Vol. 7. No. 3. P. 350–364.
13. *Lane K.E., Gwartney-Gibbs P.A.* Violence in the Context of Dating and Sex // *Journal of Family Issues*. 1985. No. 6. P. 45–59.
14. *Ильяшенко А.Н.* Основные черты насильственной преступности в семье // *Социологические исследования*. 2003. № 4. С. 85–90.
15. *Vannoy D., Rimashhevskaya N., Cubbins L., Malysheva M., Meshterkina E., Pisklakova M.* Marriages in Russia: Couples during the Economic Transition. Westport, CT: Praeger Publishers, 1999.
16. Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: РОССПЭН, 2002; <http://www.owl.ru/win/research/doc17-9.htm#9>.
17. *Лысова А.В.* Насилие на свиданиях в России // *Социологические исследования*. 2006. № 2. С. 94–103; <http://demoscope.ru/weekly/2006/0259/analit07.php>.
18. Physical Violence in American Families: Risk Factors and Adaptations to Violence in 8,145 Families // Ed. by M. Straus, R. Gelles. New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 1999.
19. *Dobash R.E., Dobash R.P.* Violence Against Wives. N.Y.: Free Press, 1979.

20. *Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / Ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978.

21. *Yllo K.A., Straus M.A.* Patriarchy and Violence Against Women: The Impact of Structural and Normative Factors // *Physical Violence in American Families* / Ed. by M.A. Straus, R.J. Gelles. New Jersey: Transaction Publishers, 1999. P. 383–403.

22. *Wolfner G.D., Gelles R.J.* A Profile of Violence Toward Children: A National Study // *Child Abuse & Neglect*. 1993. No. 17. P. 197–212.

23. *Straus M.A.* Societal Stress and Marital Violence in a National Sample of American Families // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1980. Vol. 347. P. 229–250.

24. The United Nations Surveys of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems, Covering the Period 1990–2002 // <http://www.unodc.org/pdf/crime/eighthsurvey/5678sc.pdf>.

25. Население России 2003–2004: Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Наука, 2006.